

Неленивые заметки о лени: Обломов, Ленин и капитализация лени

ВИКТОР МАЗИН

Доцент, кафедра междисциплинарных исследований и практик в области искусств, факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ). Адрес: 190000, Санкт-Петербург, ул. Галерная, 58–60. E-mail: v.mazin@spbu.ru.

Ключевые слова: лень; труд; время; сновидение; *otium*; *negotium*; капитализм; феодализм.

Статья посвящена исследованию феномена лени и начинается с анализа оппозиции лень/польза. Польза, как и благо, отсылает в первую очередь к труду. Оппозиция лень/труд занимает центральное место в романе Ивана Гончарова «Обломов» (1859), отмечающем радикальную смену феодальной формации на капиталистическую. Два главных героя романа, Илья Ильич Обломов и Андрей Иванович Штольц, на первый взгляд, олицетворяют собой конфликт лени и труда. Автор статьи подвергает эту оппозицию деконструкции. К примеру, для Казимира Малевича сознательному труду подлежит бессознательная лень, которая обретает у него статус Матери Совершенства.

Через анализ латинских понятий *otium* и *negotium* автор приходит

к идее диалектичности труда и его другого. Иначе говоря, лень — неотъемлемая оборотная сторона труда. Неслучайно жители Обломовки считают лень своим долгом. Так лень обретает этическое измерение и в качестве такового оказывает сопротивление новому порядку капитализации времени, включая будущее массмедийное информационное общество. В последней части статьи автор обращается к идеям поэта и художника Анатолия Перегуда, проведшего большую часть своей жизни в психиатрической больнице с диагнозом «шизофрения». Согласно его идеям, псевдоним Ленина указывал на принципиальное место лени в коммунистическом проекте, хотя сам Ленин видел в образе Обломова принципиальное препятствие на пути реализации своего проекта.

Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой...

Александр Пушкин

Праздные счастливыцы могут позволить себе пренебречь пользой. «Праздный» в данном случае — ничем не занимающийся, живущий без работы, без дела. Жизнь — праздник, позволяющий не принимать в расчет пользу. К последней следует относиться с презрением, пренебрежением. Для человека праздного она не стоит внимания; да и праздник — разрыв в заведенном порядке череды дел, но никак не повод для вкладов.

Какая польза от искусства? Польза в том, что искусство, в частности поэзия, *позволяет* усомниться в пользе. Искусство может позволить себе быть бесполезным. Оно санкционирует жизнь счастливых праздных. Впрочем, одно дело — польза как благо, другое — как выгода. В одном случае — польза моральная, в другом — презренная. При этом презрение от поэтического идеала жизни может заслужить и благо¹.

Какая польза от того, что находишься в святом, казалось бы, месте, исключенном из безумной циркуляции капитала, но мыслями правит потусторонняя идеология, в которой польза понимается исключительно как выгода: «Весь день тут сидишь, ходят и ходят, а пользы никакой!» Даже польза во благо здесь оказывается неуместной.

Еще один вопрос: подразумевает ли праздное времяпровождение лень? И то и другое связано с мыслью об отсутствии занятия, а точнее, работы. В то же время ни праздное времяпровождение, ни лень отнюдь не подразумевают отсутствие внутренней работы, например проработки стихотворения — пусть даже бессознательной, во время ленивого ничегонеделания.

Лень — другое измерение времени. Лень — другие времена: времена сновидений, времена раздумий, времена созерцания, вре-

1. Здесь интересно, что Лакан, конституируя в VII семинаре представление о психоанализе как об этике, совершает два принципиальных стратегических хода. Во-первых, идет к этике через эстетику; во-вторых, идет к ней, анализируя различные этические системы и отказываясь от принципиальной для большинства из них идеи блага.

мена мечты, времена галлюцинаций и даже меланхолического безвременья.

Лень как феномен культуры, по крайней мере русской культуры, описана в классическом романе Ивана Гончарова «Обломов». Впрочем, знаменитый теоретик анархизма Петр Кропоткин в 1907 году писал, что Обломова можно найти в любом уголке планеты. Роман «Обломов» вышел в свет в 1859 году. Писал его Гончаров медленно и мучительно в течение одиннадцати лет. Герой романа превратился в парадигматическую фигуру лени.

Онейродром: рождение ленивого

Имя Обломов стало нарицательным. Ленивый не живет ни в России, ни за границей: он живет в стране Обломовщине. Ленивый не может покинуть ее, даже если знает, что в ней живет, даже если имя это, Обломовщина, снится «ночью, написанное огнем на стенах, как Бальтазару на пиру»². Более того, у него и желания нет из этой страны куда-то выбираться. Как же попадают в эту страну лени — Обломовщину?

Как Обломов стал Обломовым?

Чтобы ответить на этот вопрос, Гончаров обращается к детству героя, к началу его становления Обломовым. Почему? Потому что

... ни одна мелочь, ни одна черта не ускользает от пытливого внимания ребенка; неизгладимо врежется в душу картина домашнего быта; напитывается мягкий ум живыми примерами и бессознательно чертит программу своей жизни по жизни, его окружающей³.

Программа «Лень» бессознательно прочерчивает, прокладывает свой путь, предписывая будущее. Дело, в конце концов, не в Обломове, а в Обломовке, в том Другом, как сказал бы Жак Лакан, который структурирует матрицу реальности, оформляет ее программу. Таков ответ Гончарова.

После описания петербургского быта Обломова автор погружает своего героя в сон. Это сон «остановил медленный и ленивый поток его мыслей и мгновенно перенес его в другую эпоху,

2. Гончаров И. А. Обломов // Собр. соч.: В 6 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 4. С. 157.

3. Там же. С. 92.

к другим людям, в другое место»⁴. Глава, в которой мы погружаемся в сон, единственная в романе, имеющая, помимо номера IX, подзаголовок: «СОН ОБЛОМОВА». Жизнь монотонно обозначена цифрами. Сон — словами. Именно сон прерывает «ленивый поток мыслей». Именно сон «мгновенно» переносит в другое время-и-место. Именно сон пробуждает от однообразия, однотонности, повторения одного и того же. Любовь ко сну — и одна из черт ленивого, и выводит его из страны лени Обломовки. Через сон главного героя читатель перемещается в его детство, его историю и историю общества, неторопливо и мучительно переходящего от феодализма к капитализму, оставляя за собой симптом как таковой⁵. Сон бессознательно прочерчивает программу жизни по жизни окружающей, которая не очень-то и принимается в расчет. *Лень, как и сон, как и детство, противостоит принципу реальности.* Лень родом из детства. Лень и симптом перехода к Современности завязываются в один узел или даже в онейроузел, в то, что Фрейд назвал пуповиной сновидения.

Между тем онейродинамика переживаний не только стремительно пронесит героя с читателями по ландшафтам детства, но и время от времени замирает: вся деревня Обломовка засыпает во сне. Сон прекращает какие-либо попытки деяния. Сон надежнее всего противостоит суете наступающего капитализма. Во сне — узел рождения Обломова, и в этом узле спит вся деревня.

Сон Обломова состоит из двух частей. Первая показывает завершение *законной лени* детской жизни. Ему 7 лет. Вторая уже содержит кое-какие заботы принципа реальности. Ему 14 лет.

Сон начинается с описания пейзажей, природы. Здесь все обещает «покойную, долговременную жизнь до желтизны волос и незаметную, сну подобную, смерть»⁶. Жизнь подобна сну до смерти, которой нечего бояться, поскольку ее просто нет, она всегда уже позади. Смерть как сон. Времени нет. Лень обеспечивает плавный переход от сна к смерти.

Здесь нет неожиданностей, случайностей. Время ритмично. Время течет согласно естественному календарю. Жизнь в Обло-

4. Там же. С. 84.

5. Небезынтересно, что Лакан в XVII семинаре связывает симптом не с Гиппократом, что было бы привычно и ожидаемо, а с Марксом и с переходом от феодализма к капитализму. В 1859 году вышел в свет не только «Обломов», но и труд «К критике политической экономии».

6. Там же. С. 85.

мовке ориентирована согласно природным циклам и циклам экзистенциальным: рождение — женитьба — смерть на фоне смены сезонов. В этом помещичьем раю нет истории, точнее, она подчинена круговороту вечного возвращения. Здесь все тихо, сонно, покойно.

Здесь нет чужих людей. Нет новостей. Нет преступлений. Нет страстей, да «и какие бы страсти и предприятия могли волновать их? Всякий знал там самого себя»⁷. Жизнь в себе. Во сне Обломов встречает только родных людей: ласкающих его няню и давно умершую мать; отца, который откладывает все дела на потом и предается мечтаниям; слуг, не дающих ему ничего делать самому. «Я не могу хотеть, чего не знаю»⁸ — такова формула Обломова. Сон, конечно же, ставит вопрос о желании. Получается, что вопрос желания переадресован слугам, и это напоминает о том, как в античные времена раб обязан был знать, чего хочет господин. Не дело господина знать свое желание, которое, как известно, всегда уже желание другого. Сон уводит Обломова от всей мирской суеты желания. Он может хотеть только известного, того, что знает.

Очнувшись от сновидения, он попадает в мир дел, забот. В мир, который презирает сон и лень как безделье. В мир, в котором правит коммерческая мораль пользы. В мир, в котором живет его друг, агент торговой компании Штольц.

Лентяй Обломов — трудяга Штольц

Во второй части сновидения лень выступает как защита от труда. Обломову 14 лет. Время подготовки к вхождению в иерархию формирующегося капиталистического сообщества. Родители одновременно готовят подростка к труду и оберегают от него. Жители Обломовки

...сносили труд как наказание, наложенное еще на праотцов наших, но любить не могли, и где был случай, всегда от него избавлялись, находя это возможным и должным⁹.

Здесь мы на время отвлечемся от сна Обломова и обратимся к труду как наказанию. Труд труду рознь. Один труд, как мы ви-

7. Там же. С. 88.

8. Там же. С. 165.

9. Там же. С. 103.

дим, — это, в частности, работа сновидения (*Traumarbeit*), и смысл заключен в самой этой работе. Другой труд, как его описывает в «Протестантской этике и духе капитализма» Макс Вебер, устремлен к зарабатыванию денег, накопление которых и есть конечная цель. Трудовая этика вращает колеса капитализма.

Различая два вида труда, мы переключаемся к двум латинским понятиям из философии: *otium* и *negotium*. *Otium* — праздность, свободное время, которое предполагает период еды, игр, досуга, время, когда можно лениться, ничего не делать, отдыхать от дел, зарабатывания денег, то есть от *negotium*'а. Как говорил Эпикур, лучше спокойно лежать на голой земле, чем беспокойно на золотой кушетке. Для Эпикура *otium* обозначает еще и созерцание, и сострадание, и дружбу, а *negotium* как раз способен их разрушить. *Otium* — то время, которое есть «дар времени», заключающийся в «в свободной практике любой заботы о своем существовании, свободном от всякого *negotium*'а»¹⁰. Дух капитализма, как мы понимаем, нацелен на вытеснение *otium*'а *negotium*'ом. Следы этого подхода можно найти уже у Лютера, для которого *otium* — время для работы с Библией, а не для свободных занятий и уж тем более не для лени. Лень, напомним, — грех. Так протестантская этика и дух капитализма заместили *otium* исполнением божественного долга, высшим *negotium*'ом, который, разумеется, уже предполагает возможность перехода к бизнес-*negotium*'у. По долгу службы.

В симптоматичное время борьбы *otium*'а и *negotium*'а обитатели Обломовки при любом удобном случае избавлялись от труда, находя это не только возможным, но и *должным*. Такова этическая программа жителей Обломовки; понятно, что они трудиться не любят. Именно через нелюбовь к труду, неспособность к нему и определяется лень в словарях: лень — нежелание трудиться. Обломов не понимает, не принимает необходимости труда. Зачем работать? Зачем учиться? Такие вопросы не приходят в голову его антиподу — Штольцу. Он человек действия. Штолец не подвергает сомнению Закон своего отца. Протестант-Отец работает в нем, нацеливая на новые капитал-свершения.

По закону непрерывного движения живет мир капитала; точнее, конечно, война (*negotium*) капитала, в отличие от мира (*otium*) праздности, приостановки хода времени. Время капитала истекает

10. Stiegler B. Mécréance et Discrédit. P.: Galilée, 2004. T. 1: La Décadence des démocraties industrielles. P. 96.

ет: быстрее и быстрее. Движение по иерархической лестнице все выше и выше. Взятая высота открывает новую высоту. Завершенное дело открывает новое дело. Удовлетворенное желание порождает следующее желание. Обломов видит перед собой окончательное пробуждение соперничества и зависти. Отныне они позитивные истины карьеры, роста, накопления.

Ни у кого ясного, покойного взгляда, все заражаются друг от друга какой-нибудь мучительной заботой, тоской, болезненно чего-то ищут. И добро бы истины, блага себе и другим — нет, они бледнеют от успеха товарища... одно желание: сбить с ног другого и на его падении выстроить здание своего благосостояния¹¹.

Мир безудержного движения капитала все время переносит в будущее, отсрочивает настоящее. У Обломова голова идет кругом от скорости расширения вселенной капитала. У него постоянно возникает вопрос: *а когда же жить?* Когда время заботы о себе, время *отит*'а? Своим *недеянием он сопротивляется телеологии, целеустремленности, переносящей жизнь на потом, в другое время, в другое место*. Его страна — Обломовка. В Обломовке же люди

... глухи были к политико-экономическим истинам о необходимости быстрого и живого обращения капиталов, об усиленной производительности и мене продуктов. Они в простоте души понимали и приводили в исполнение единственное употребление капиталов — держать их в сундуке¹².

Никакого вложения, никакого роста, никакого капиталистического прироста. В Обломовке вообще не верили

... душевным тревогам; не принимали за жизнь круговорота вечных стремлений куда-то, к чему-то; боялись, как огня, увлечения страстей; и как в другом месте тело у людей быстро сгорало от вулканической работы внутреннего, душевного огня, так душа обломовцев мирно, без помехи утопала в мягком теле¹³.

11. Гончаров И. А. Обломов. С. 147.

12. Там же. С. 108.

13. Там же. С. 103.

Пределы лени — пределы тела. Лени возвращает к телу. Лени утопает в теле. Лени приближает к *jouissance*, к прибавочному наслаждению, но не к прибавочной стоимости.

Расширяется не только вселенная капитала, разрастаются не только желания, но расширяется и мир информационных потоков. Уже в середине XIX века Обломов свидетельствует о массмедиазации. Она создает еще одно бесконечное, самостирающееся движение расширяющейся вселенной. Здесь мы сталкиваемся с тем, что впоследствии уничтожит остатки *otium*'а, — с культур-индустрией, с индустрией досуга. Обломов рассказывает о человеке, который был просто потрясен, узнав, что Обломов не читает газет. В изумлении стал масс-человек говорить

...о Лудовике-Филиппе, точно как будто он родной отец ему. Потом привязался, как я думаю: отчего французский посланник выехал из Рима? Как, всю жизнь обречь себя на ежедневное заряжанье всесветными новостями, кричать неделю, пока не выкричишься! Сегодня Мехмет-Али послал корабль в Константинополь, и он ломает себе голову: зачем? Завтра не удалось Дон-Карлосу — и он в ужасной тревоге. Там роют канал, тут отряд войска послали на Восток; батюшки, загорелось! лица нет, бежит, кричит, как будто на него самого войско идет... сквозь эти крики виден непробудный сон! Под этой всеобъемлемостью кроется пустота, отсутствие симпатии ко всему¹⁴.

Обломов говорит о другом «непробудном сне» — о наступающем сне массмедийном, в который стремительно перемещаются неленивые люди. Чужой сон превращается в нескончаемый кошмар, стремительно набирающий обороты. И никакая деятельность не может рассеять этот сон, непробудный сон.

Тем временем свой сон, тот, который Гераклит связывал с частным пространством *idios kosmos*, подвергается разрушению. Способность спать и видеть сны, как и способность желать, противоречит бизнес-программе *negotium*'а. Спать нужно как можно меньше. Техноученые, обслуживающие массмедийный сон, обязательно докажут, что спать вообще вредно.

Пока Обломов спит, неленивый летит сломя голову в информационных и финансовых потоках. Он трудится на лету. До самой смерти. До скорой смерти. Неленивый давным-давно пролетел мимо реки жизни в Обломовке, где не было погони, не было

14. Там же. С. 148.

нужды мчаться в ногу со временем. Цели стирающей человека скорости, цели поглощенного трудом человека как раз и не может понять Обломов. Он задается экзистенциальными вопросами: «Когда жить?» и «Для чего жить?».

Ответ Штольца:

Для самого труда, больше ни для чего. Труд — образ, содержание, стихия и цель жизни¹⁵.

Однако жизненная программа Обломова иная. Имя этой программы — *Авось*. Обломов относится к необходимым делам по принципу *авось*, подразумевающему, что дело само как-нибудь сделается. «Авось пронесет» — одна из традиционных реакций на возможные перемены. Авось отпадет необходимость что-либо делать за давностью.

А может быть, еще Захар постарается так уладить, что и вовсе не нужно будет переезжать, *авось* обойдутся: отложат до будущего лета или совсем отменят перестройку: ну, *как-нибудь* да сделают! Нельзя же в самом деле... переезжать!¹⁶

Эти три волшебных слова — *авось*, *может быть* и *как-нибудь* — Гончаров называет *примирительными и успокоительными*. Пушкин еще раньше поименовал *авось* «народным шибболетом», то есть отличительной, идентифицирующей народ чертой. Не по содержанию, а по произношению слова «шибболет» можно отличить своего от чужого. Шибболет — непереводаемая идиома. В десятой главе «Евгения Онегина» мы читаем:

Авось, о Шибболет народный,
Тебе б я оду посвятил...

Для праздных счастливых *авось*, конечно же, заслуживает прославления. В этой частице — вера в счастливый случай. Всегда остается шанс: *авось* повезет, *авось* пронесет. В этой частице нет места расчету, запрограммированному будущему бизнес-плана, лишнего поэтических идеалов.

Обломов пытается пойти против себя, по пути своего друга, своего *другого*, Штольца:

15. Там же. С. 154.

16. Там же. С. 81.

Это значит идти вперед... И так всю жизнь! Прощай, поэтический идеал жизни! Это какая-то кузница, не жизнь: тут вечно пламя, трескотня, жар, шум... когда же пожить? Не лучше ли остаться?¹⁷

Авось и без движения в ногу со временем проживем.

Два друга, Обломов и Штольц, русский и немец — две стороны одной медали, как Восток и Запад, как Труд и Праздник. Два этих аспекта как бы порождают друг друга. Штольцу известна цель жизни, и цель эта — не только не покой, который даже и не снится, но и не любовь, которая неизбежно разрушит программу трудовых свершений. Штольц обретает себя в труде, растворяется в нем. Сам он боится потерять себя в любви, но Обломова при этом хочет пробудить от лени именно любовью.

Лень → любовь → меланхолия

Итак, Штольц пытается излечить Обломова от лени любовью: знакомит его с Ольгой. Штольц действует как врач: от одной болезни (лени) он пытается избавить другой болезнью (любовью). Любовь — как и сон, как и лень — ведет к утрате своего я. Человеку,

... пораженному любовью, не до того, чтоб ученым оком следить, как вкрадывается в душу впечатление, как оковывает будто сном чувства, как сначала ослепнут глаза... как мало-помалу исчезает свое я и переходит в *него* или в *нее*...¹⁸

Любовь Обломова к Ольге заканчивается «обломом». Лень оказалась сильнее любви. Обломов возвращается в родную страну.

Хуже того. Это уже не та лень, от которой он пробудился для любви. Это уже лень-депрессия. Жизнь потеряла смысл; Обломов потерял себя. Как будто из своего сна, своего детского кокона он проваливается еще глубже — во времена, предшествующие детскому счастью, во времена безвременья, смерти. Он не отвечает на вопросы, не замечает происходящего вокруг, не осознает собственных слез. Он

... по целым часам смотрел, как падал снег и наносил сугробы на дворе и на улице, как покрыл дрова, курятники, конуру, са-

17. Там же. С. 158.

18. Там же. С. 319–320.

дик, гряды огорода, как из столбов забора образовались пирамиды, как все умерло и окуталось в саван¹⁹.

Конец света наступил. Мир покрыт саваном. В депрессивной лени возрождается к своей покойной жизни Обломов.

Мечта — сопротивление принципу реальности

Лень защищает от выбора, долга, обязанностей. Но лень — это и мучительные нескончаемые роды, ведущие к новой жизни. Лень подобна мукам рождения. Лень подобна мукам творчества. Лень для Обломова — «место» рождения мысли:

Ты, может быть, думаешь, глядя, как я иногда покроюсь совсем одеялом с головой, что я лежу как пень да сплю; нет, не сплю я, а думаю все крепкую думу...²⁰

Лень — территория думы, мечты, фантазии. Обломов мог бы быть творцом — художником, писателем. Таким, как Гончаров, например. Одно из значений слова *otium*, кстати, — произведение, написанное на досуге.

Художник — тот, кто не распрощался с заповедной территорией детских фантазий. Став взрослым, Обломов, конечно, узнает, что сказка — это сказка, но она «у него смешалась с жизнью, и он бессознательно грустит подчас, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка»²¹. Обломов, подобно художнику, не хочет расставаться с мечтой и фантазией. Его мир — мир воображения. Все, что навевает на него так называемый реальный мир, — страх и тоска. Даже если он и перестает верить в сказки, даже «если пропадает самая вера в призраки, то остается какой-то осадок страха и безответной тоски»²². Призраки возвращаются, разгоняя страх и тоску. Они воссоздают фантазматический мир, оказывающий отчаянное сопротивление внешней деятельности. Может быть,

...сон, вечная тишина вялой жизни и отсутствие движения и всяких действительных страхов, приключений и опасностей заставляли человека творить среди естественного мира дру-

19. Там же. С. 315.

20. Там же. С. 79.

21. Там же. С. 99.

22. Там же. С. 101.

гой, несбыточный, и в нем искать разгула и потехи праздному воображению...²³

Мечта, воображение — оборотная сторона дела, деятельности. Мечта — скрытая работа. Никто не знает и не видит внутренней жизни Обломова. Все думают, что он просто лежит да ест. Только антипод Обломова, трудяга Штольц, догадывается о «способностях его, об этой внутренней вулканической работе пылкой головы, гуманного сердца»²⁴. Штольц, выслушивая мечты Обломова, называет его поэтом. Штольц видит внутреннюю художественную работу друга, литературный характер обломовщины.

Штольц не смеется над мечтой. Он испытывает перед ней страх. У него онейрофобия. Ему страшно за себя, за возможность превращения в другого, в своего друга Обломова. Мечта — как и сон — может разрушить его трудовой идеал. Гончаров говорит: мечте нет места в душе Штольца. И все же Штольц боится явления призрака Обломова. Штольц больше всего

... боялся воображения... боялся всякой мечты или, если входил в ее область, то входил, как входят в грот с надписью: *ta solitude, mon hermitage, mon repos*, зная час и минуту, когда выйдешь оттуда²⁵.

Штольц — прагматик, даже если прагматизм только зарождается в эти годы где-то далеко, в Америке. Онейроопыт сновидения, мечты, лени для него опасен.

Явление призрака Обломова Ленину

Умер писатель Гончаров. Умерли помещики. Умер Обломов. Но призрак его жив. Призрак этот явился даже там, где его совсем не ждали, — в энтузиазме освобожденного социалистического труда.

Призрак этот стал не только экономическим феноменом, противоположным *любому* труду, но и феноменом политическим. Именно лень причисляют к определяющим факторам краха коммунистической системы. Считается, что проблема коммунизма коренилась в первую очередь в отсутствии той «сознательности», которая должна была сделать труд радостным, освобожденным,

23. Там же. С. 100.

24. Там же. С. 58.

25. Там же. С. 137.

не подчиненным золотому тельцу. Проект Ленина провалился из-за *не поддающейся рационализации лени*.

Проект Ленина был основан на лени. Эту мысль сформулировал поэт, художник, мечтатель Анатолий Перегуд. Через сто лет после появления «Обломова», 2 сентября 1958 года, вместо общественно-полезного труда он стал покрывать асфальт родного Севастополя коммунистическим лозунгом «Все силы на борьбу за лучшее будущее человечества!». Частная инициатива, воспроизводящая и удваивающая идеологическую доктрину, превращающая ее в пародию, не могла не показаться подозрительной. С диагнозом «шизофрения» его поместили в Крымскую психиатрическую больницу № 1, где он продолжал заниматься творчеством до самой смерти в 1996 году. Там же в феврале 1993 года мне посчастливилось с ним познакомиться и пообщаться.

Анатолий Перегуд утверждал, что Владимир Ульянов взял себе псевдоним Ленин ради того, чтобы указать человечеству на *необходимость лени*. Только лень, по Ленину, и может спасти человечество. Коммунизм — не освобожденный труд, а высвобожденная из труда способность лениться.

Призрак Обломова незамедлительно показался в коммунистическом проекте. Свидетельством справедливости поэтических мыслей Перегуда служит явление призрака Обломова Ленину. В 1922 году в статье «О международном и внутреннем положении Советской Республики» Ленин пишет:

Был такой тип русской жизни — Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел²⁶.

Призрак Обломова проник в паранойяльную машину четко структурированного времени, рационализма, компульсивности. Толк от призрака Обломова как раз в том, чтобы посеять сомнения в работе Штольц-машины, состоящей

26. Ленин В. И. О международном и внутреннем положении Советской Республики // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 13.

... из костей, мускулов и нервов, как кровная английская лошадь... Движений лишних у него не было. Если он сидел, то сидел покойно, если же действовал, то употреблял столько мимики, сколько было нужно... и печальями и радостями он управлял, как движением рук, как шагами ног или как обращался с дурной и хорошей погодой²⁷.

Призрак Обломова подобен вирусу в программе Штольц-машины.

Обломов продолжает свою призрачную жизнь. Ему нет места на официальном корабле эффективности, продуктивности, успешности. Его место то же, что и у поэта Анатолия Перегуда: психбольница. Именно неспособность к труду называет Фуко первым для психиатра критерием безумия. Спасением для ленивого *может* стать маргинальная зона паранойяльно работающей социальной машины — искусство. Здесь позволено мечтать и спать. Здесь сохраняется по крайней мере *временное право* на «облом» паранойяльно-обсессивной работы машины отчуждающего труда. Здесь витает призрак Обломова, который

... не поклонится идолу лжи, в душе его всегда будет чисто, светло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; таких людей мало; они редки; это перлы в толпе! Его сердце не подкупишь ничем²⁸.

Если в романе Гончарова, который он писал с 1848 по 1859 год, описана симптоматика перехода от феодализма к капитализму, если Анатолий Перегуд описывает переход от социализма к коммунизму, то сейчас, основываясь на романе, можно сказать, что бывшая Обломовка теперь оказалась в переходе *между* капитализмом и феодализмом. Понятно, что повторение невозможно, разве что в преображенной форме; этот переход означает не регресс и, разумеется, не прогресс, но новую феодальную форму капитализма. Отсюда и возможность перевернутого симптома, который даже и не снился Илье Обломову: «Лень — это двигатель прогресса. Внесите свой вклад, не вставая с дивана».

27. Гончаров И. А. Обломов. С. 136–137.

28. Там же. С. 391.

Библиография

- Гончаров И. А. Обломов // Собр. соч.: В 6 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 4.
- Ленин В. И. О международном и внутреннем положении Советской Республики // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 1–16.
- Stiegler B. Mécréance et Discrédit, 1. La Décadence des démocraties industrielles. P.: Galilée, 2004.

DILIGENT NOTES ON LAZINESS: OBLOMOV, LENIN AND THE CAPITALIZATION OF LAZINESS

VICTOR MAZIN. Associate Professor, Department of Interdisciplinary Studies and Practices in the Arts, Smolny Faculty of Liberal Arts and Sciences, v.mazin@spbu.ru. Saint Petersburg State University (SPbU), 58–60 Galernaya str., 190000 St. Petersburg, Russia.

Keywords: laziness; work; time; dream; otium, negotium; capitalism; feudalism.

The essay investigates the phenomenon of laziness by first analyzing the opposition between laziness and the good. Both utility and the good make reference to labor. This opposition between labor and laziness is pivotal in *Oblomov*, Ivan Goncharov's famous novel written in 1859. It marks a radical transition from a feudal paradigm to a capitalistic one. The two main characters in the novel are Ilya Ilyich Oblomov, a Russian, and Andrey Ivanovich Stolz, a German, who together seem to personify the contradiction between laziness and labor. But the purpose of the essay is to deconstruct that opposition. In this connection, one can cite Kazimir Malevich, who maintained that laziness is the Mother of Perfection and is always unconsciously inherent in the conscious intent to work.

Analysis of the Latin concepts of *otium* and *negotium* indicates that the laziness/labor opposition may be deconstructed as a dialectic between labor and its opposite. In other words, laziness does not stand in contradiction to labor but is instead its inseparable dialectical other. In the last part of the essay, the article considers the thinking of Anatoly Peregud, a poet who spent almost all his life in a psychiatric hospital. According to Peregud, Lenin derived his pseudonym from the Russian linguistic root "len" (laziness) in order to make laziness central to communism. For his part, Lenin saw Oblomov as an emblem of the main obstacle standing in the way of communism.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-1-243-257

References

- Goncharov I. A. *Oblomov. Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected Works: In 6 vols], Moscow, Goslitizdat, 1959, vol. 4.
- Lenin V. I. *O mezhdunarodnom i vnutrennem polozhenii Sovetskoi Respubliki* [The International and Domestic Situation of the Soviet Republic]. *Poln. sobr. soch. 5-e izd.* [Complete Works. 5th ed.], Moscow, Politizdat, 1970, vol. 45, pp. 1–16.
- Stiegler B. *Mécréance et Discrédit, 1. La Décadence des démocraties industrielles*, Paris, Galilée, 2004.